

Покровский Борис
Александрович

23.102

Борис ПОКРОВСКИЙ: Известия - 2002. 23 янв. - с. 1, 8 У Сталина был хороший слух

Сегодня патриарху оперной сцены, бывшему главному режиссеру Большого театра, художественному руководителю Камерного музыкального театра Борису Александровичу Покровскому исполняется 90 лет. Юбилейный вечер он проведет в царской ложе Большого театра, в то время как на сцене будут показывать оперу Бородина «Князь Игорь» в его же постановке. Накануне вечера с режиссером встретился обозреватель «Известий» Георгий МЕЛИКЯНЦ.

— Борис Александрович, вас называют родоначальником режиссерской оперы в России.

— Преувеличивают. Но я действительно всегда старался разбудить в певце актёра. Это шло не от меня — от Козловского, от Петрова, от других певцов: они уже не хотели ходить на котурнах, они хотели

жить на сцене. Опера — синтетическое искусство. Она не может обойтись без дирижера, художника, хормейстера и, простите, без режиссера. Не поставленная на сцене опера не имеет смысла — это формула Чайковского.

— В первое десятилетие своего творчества вы словно знакомились с оперным на-

следием. Потом взбунтовались.

— Свои «смелости» я вовсе не отношу к бунтарству. Просто я понимал: если мне сегодня скажут спасибо за то, что я, например, не поставил Прокофьева, то завтра обо мне скажут: он был трус, он не поставил Прокофьева. Я считаю, что Прокофьев и Шостакович непременно должны быть в репертуаре русского оперного театра рядом с Глинкой, Чайковским и Мусоргским. Если идет «Жизнь за царя» Глинки — хорошо, но если не идет «Война и мир» Прокофьева — очень плохо.

(Окончание на 8-й стр.)

Две судьбы режиссера Покровского

Оглядывая жизнь и творчество Покровского, приходишь в волнение от цифр. 40 лет связано с Большим театром, 30 лет — с Камерным музыкальным, четыре Сталинские премии, 42 спектакля в Большом, около двухсот — по всему миру. В воскресенье в Камерном театре он продемонстрирует своим зрителям две новые работы — «Плащ» и «Джанни Скикки». Это поздние одноактные оперы Пуччини, в России практически неизвестные.

Борис Покровский войдет в музыкальную историю сразу в две противоположные двери. С одной стороны, его имя прочно связано с помпезным, консервативным и фантастически живучим сталинским стилем Большого театра (он работал там с 1943 по 1982 год, с 1967-го — главным режиссером). Страшно подумать, архетипическую постановку «Евгения Онегина» 1944 года, в которой сейчас поет Николай Басков, смотрел еще Сталин!

С другой стороны, Покровский — первый отечественный реформатор оперной режиссуры, человек, пустивший под откос представления прежних веков о скромном месте постановщика в оперном спектакле. Именно он, организовав в 1972 году подвальный Московский камерный музыкальный театр с его бешеными очередями и недоверием властей, создал в музыкальном театре аналог «Современника» и «Таганки». Он узаконил в опере эксперимент, диссидентство и режиссерский диктат, давший пышные плоды

уже в наше время. Свой вызов он как-то выкрикнул опешившей звезде-баритону: «Я здесь навсегда! А будете ли вы здесь завтра, я не знаю!»

Именно Покровский начал расшатывать вековую систему оперных ценностей постановками полузапрещенных и малоизвестных опер. Главные его спектакли: «Нос» Шостаковича, «Похождение повесы» Стравинского и «Ростовское действо» в Камерном театре, «Мертвые души» Щедрина, «Игрок» Прокофьева и «Сон в летнюю ночь» Бриттена в Большом, скандальная «Жизнь за идиотом» Шнитке в Амстердаме.

Одна из последних важных постановок — «Хованщина» в Большом в 1995 году, делать которую он туда пришел уже в статусе пенсионера, после долгой мучительной разлуки с театром.

Знакомая лифтерша вяло поинтересовалась, что его так долго не видно, не приболел ли — будто с момента его ухода прошло несколько дней! Это тоже был своего рода вызов, перед которым Покровский вынужден был пасовать: «Это — Большой театр. Он вечен, бесстрастен и равнодушен, как природа». Стоит признать, что это одно из самых красивых и выстраданных признаний.

Покровского, познавшего в своей жизни всю полноту режиссерской власти и всю компромиссность общегосударственного признания, радость преходящей моды и горечь отчуждения.

Екатерина БИРЮКОВА

Борис ПОКРОВСКИЙ: У Сталина был хороший слух

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— В результате вы поставили все оперы Прокофьева.

— Да, это стало моей, как это говорят, сверхзадачей. Когда и кто бы ни предлагал поставить Прокофьева, я обязательно соглашался. А когда спрашивали, что я хотел бы поставить, я говорил: Прокофьева. «Игрока», например, я сначала сделал в Лейпциге. Приехали из Москвы посмотреть, что там за формализм я развел. Директором Большого театра тогда был композитор Кирилл Молчанов. И он заявил, что уйдет, если Покровскому не разрешат поставить «Игрока». Были же люди в наше время!

— Но тогда был и Сталин...

— Да, но у Сталина не обтерешь того, что он часто бывал в Большом. У него, кстати, был хороший слух, он любил оперу.

— Почему вы разошлись с Большим?

— У меня назревал конфликт — представьте — с самим собой. Открылся железный занавес, чтобы петь за границей, Большому понадобился репертуар, который был нужен там. Это сейчас все возлюбили «Бориса Годунова» и «Хованщину», а тогда хотелось чего-нибудь попроще. К тому же появилась тенденция петь на языке оригинала. Я же считал, что репертуар Большого не должен дублировать репертуар европейских театров. И что петь в Большом следует по-русски — то есть стоял на точке зрения Стасова, Чайковского и Шостаковича. Конфликт разгорался. А как у нас привыкли тушить конфликты? Кого-то надо убирать. И порекомендовали убираться мне.

— Вы хотели бы еще работать в Большом?

— Я впервые вошел в него десятилетним мальчиком. Это же вся жизнь. И когда бы меня туда ни позвали, я всегда готов.

— Вас, наверное, часто спрашивают о том, растите ли вы себе смену?

— На протяжении всей жизни слышу этот вопрос. Почему я должен кого-то растить? Это вообще не мой вопрос — кто

меня сменит. Иметь учеников почетно, последователей — приятно. Но в искусстве каждая личность неповторима. Многим хотелось бы, чтобы кто-то дышал мне в затылок. Помилуйте, так смену не растят. Так растят завистников. Мы очень близко дружили с Георгием Александровичем Товстоноговым. Естественно, сравнивали, за что ругают его, за что — меня. Оказалось, и его, и меня ругали за то, что не готовим себе смену. И однажды он сказал Толстикову, тогдашнему правителю Ленинграда: «У Станиславского тоже не было смены». Правитель задумался. «Ты тоже так скажи Фурцевой!», — посоветовал мне Гога. Я сказал. Фурцева махнула рукой: «Ну вот, с вами нельзя разговаривать серьезно». Если же продолжить эту тему, то иногда мне кажется, что у меня много друзей и моя деятельность не прошла незамеченной. Но когда на мое место придет другой — он будет другой. Главное, чтобы он оказался нужным искусству.

— Ваша мечта?

— Поставить большую русскую оперу.

— А есть такая?

— Опера Александра Холминова — которого я весьма ценю — по пьесе Островского «Лес». Опера интересная. А если совсем размахнуться, то хотел бы поставить совсем новую русскую оперу. Давно таких не было.